

Людмила СПРОГЕ
University of Latvia, Riga
ludmila.sproge@lu.lv

**«ВРЕМЯ ШЛО...» АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ТАТЬЯНЫ ДАНИИЛОВНЫ КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ**

Abstract

“Time is ticking... The archival materials of Tatyana Daniilovna Klimenko-Ratgauz”. This article is devoted to the archival materials of Tatyana Klimenko-Ratgauz (1909–1993), an actress and writer, whose career began in the Russian Diaspora. Berlin, Prague, and Riga are the three capitals, where she lived in 1920–1940. Her memoirs correspond to the periods of her creative development. The unpublished memoirs, which have been written irregularly for several decades, begin with memories of childhood in Moscow and Kyiv. Famous theater figures, journalists, writers came to her father, a well-known poet and translator at that time. Memoirs testify to these visits, where, in addition to childhood impressions, they talk about Moscow theaters (the Moscow Art Theater, the Korsh Theater) and the performances of the Kyiv Opera. During the Berlin period, meetings were held with K. Stanislavsky, O. Knipper-Chekhova, V. Kachalov, N. Plevitskaya and others; with writers – Vasily Nemirovich-Danchenko, A. Tolstoy. In Prague, work begins in the theater studio of L. Kamerovskaya and in the literary association “Hermitage of Poets”; meetings with P. Potemkin, Igor Severyanin, V. Lebedev, V. Mansvetov, A. Eisner, A. Golovina, E. Chegrintseva, A. Vertinsky and others. The Riga period diversified her literary work – in the Riga Drama Theater she becomes a prima donna. The ego-texts of T. Klimenko-Ratgauz are not limited to memoirs: as a “calendar” of the cultural events of her life, she refers to albums of autographs, letters,

drawings and madrigals dedicated to her, written by creative personalities of the Russian Diaspora. The facts cited in the archive of the memoirist make the picture of literary and theatrical life in the 1920–1940s more complete.

Keywords

Tatiana Klimenko-Ratgauz, memoir, Russian diaspora in interwar Czechoslovakia, 'Hermitage of Poets', Riga Russian Drama theater, Émigré literature

Аннотация

Статья посвящена архивным материалам Татьяны Клименко-Ратгауз (1909–1993), актрисе и литератору, чей творческий путь начался в Русском Зарубежье. Берлин, Прага, Рига – эти три столицы, где в 1920–1940-е гг. проживала автор мемуаров – соответствуют периодам её творческого развития. Неопубликованные мемуары, которые писались нерегулярно на протяжении нескольких десятилетий, начинаются с воспоминаний о детстве в Москве и в Киеве. К её отцу, известному в то время поэту и переводчику, приходили известные деятели театра, журналисты, писатели. Об этих посещениях свидетельствуют мемуары, где, помимо детских впечатлений, идет речь о московских театрах (МХТ, театр Корша) и о спектаклях Киевской оперы. В берлинский период состоялись встречи с К. Станиславским, О. Книппер-Чеховой, В. Качаловым, Н. Плевицкой и др.; с писателями – Василием Немирович-Данченко, А. Толстым. В Праге начинается работа в театральной студии Л. Камеровской и в литературном объединении «Скит поэтов»; встречи с П. Потемкиным, Игорем Северяниным, В. Лебедевым, В. Мансветовым, А. Эйслером, А. Головиной, Э. Чергинцевой, А. Вертинским и др. Рижский период разнообразил её литературное творчество, в Рижском драматическом театре она становится примадонной. Эго-тексты Т. Клименко-Ратгауз не ограничиваются одними мемуарами: в качестве «календаря» культурных событий своей жизни она ссылается на альбомы автографов, на письма, посвященные ей рисунки и мадригалы, которые создали творческие

личности Русского Зарубежья. Факты, приводимые в архиве мемуаристики, делают более цельной картину литературной и театральной жизни в 1920–40-е гг.

Ключевые слова

Татьяна Клименко-Ратгауз, мемуар, русская диаспора в Чехословакии в межвоенный период, «Скит поэтов», Рижский театр Русской драмы, литература русской эмиграции

Литературное и театральное наследие Т.Д. Клименко-Ратгауз (далее – ТКР) в последние три десятилетия достаточно хорошо представлено в контексте исследований о русской культурной жизни Праги в 1923–1940-е гг. (БУЛГАКОВ 1993: 120; КРЕЙД 1999: 199–200; МАЛЕВИЧ 2005: 416–442; БЕЛОШЕВСКАЯ 2006: 518–537) и в Риге в 1935–1993 гг. (СПРОГЕ 1996; СПРОГЕ 2001; SPROGE 2008). Исследовательский интерес к личности поэтессы и актрисы сформировался в русле изучения материалов по истории и развитию пражского объединения «Скит поэтов», а также – в области изысканий фактов о развитии рижского русского Драматического театра в 1930–1940-е гг. ТКР – дочь известного в последнее десятилетие XIX в. поэта Даниила Максимовича Ратгауза (СПРОГЕ 1997; СПРОГЕ 2000). Первые опубликованные ею мемуары были *Воспоминаниями об отце*¹.

С конца 1980-х гг. ТКР отвечала на многочисленные письма, запросы и предложения, когда её просили помочь с источниками, библиографией, изобразительными материалами о русской диаспоре в довоенной Праге; просьбы написать свои воспоминания о том времени, когда ее творчество развивалось в Чехословакии и в Латвии; подготовить свод своих художественных произведений для публикации в периодических изданиях и т.п. Во время этих корреспонденций шла работа над систематизацией личного архива, который состоял отчасти из архива ее отца, личной переписки, вырезок из дореволюционной периодики, из эмигрантских и

¹ Мемуары «На стихи Ратгауза» вошли в единственную прижизненную книгу стихов и воспоминаний (КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1987).

советских газет с публикациями её материалов, рукописных и машинописных самодельных книжек, составленных из тематических подборок («стихи моего отца», «детские стихи»², «книжка для Киры», «Человек, к которому шла», «Тебе, Латгалия» и проч.) и двух альбомов с автографами, где были уничтожены некоторые листы (возможно, из-за идеологических причин, так как высока была вероятность обыска и ареста).

Архив ТКР был рассредоточен (за исключением личного, «домашнего», собрания) по государственным хранилищам в Латвии и за ее пределами. Внимание к документам было особой чертой в мемуарной практике ТКР. Неуверенность в возможности сохранить домашний архив побудила ее в 1970–1980-е годы сделать классификацию материалов, опись которых она тщательно прокомментировала в ниже приводимом документе.

Опись
документальных материалов
из архива поэтессы и актрисы Т.Д. Ратгауз-Клименко [так!]

Материалы творческой деятельности Т.Д. Ратгауз-Клименко

1. Фото в ролях, сыгранных в Русском театре в Праге – 20 фото.
2. Фото в ролях, сыгранных в Театре русской драмы в Риге – 90 фото.

Рукописи Т.Д. Ратгауз-Клименко

3. «Вся жизнь». Сборник стихотворений. Машинопись.
4. «Дни», «В сумраке», «Веселая песенка» и др. Стихи ранних лет. На отдельных листах. Автограф.

² «Детские стихи» представлены по-разному: во-первых, это самодельные книжки для дочери ТКР, составленные из стихов ее и Д.М. Ратгауза; во-вторых, – рукописный поэтический альбом ребенка из эмигрантской семьи. В альбоме датировки фиксируют место и время, в стихах и в незавершенных записях отражены события, переживаемые девочкой и барышней в Берлине и в Праге. Детское восприятие отражает исторические и политические события юного периода жизни автора.

5. Воспоминания об отце поэте Д.М. Ратгаузе. Машинопись с правкой и подписью автора.
6. Попытка наброска Воспоминаний. «Прага 1923–1935. Рига 1935–1946». Автограф.
7. Автобиография. Машинопись с авторской правкой.
8. Рассказы. Вырезки из журналов. На чешском языке – 2 вырезки.

Письма к Т.Д. Ратгауз-Клименко

9. Письмо А. Лесса Т.Д. Ратгауз-Клименко 1 письмо.
10. Письма Л.С. Панкратовой-Ильяшенко Т.Д. Ратгауз-Клименко – 3 письма.
11. Письмо Чехословацкой академии искусств Т.Д. Ратгауз-Клименко – 1 письмо.
12. Зрителей, любителей поэзии – 2 письма.
13. Дарственная надпись П.И. Лыжина на рукописи рассказа «В Версале с Альбером Самэном».

Материалы к биографии Т.Д. Ратгауз-Клименко

14. Членские билеты Союза артистов ЧСР [Чехословацкой республики].
15. Удостоверения театральные.
16. Характеристика на Т.Д. Ратгауз-Клименко – руководителя художественной самодеятельностью, выданная Рижским техникумом легкой промышленности.
17. Программы спектаклей с участием Т.Д. Ратгауз-Клименко (Прага, Рига).

Материалы о Т.Д. Ратгауз-Клименко

18. Статьи и заметки о спектаклях, концертах, вечерах поэзии с участием Т.Д. Ратгауз-Клименко, Прага-Рига, на русском, чешском, немецком языках – около 100.
19. Стихотворение П. Спенглера, посвященное Т.Д. Ратгауз-Клименко. Авторизованная машинопись.

20. Ноты романа А. Подашевского на стихи Т.Д. Ратгауз-Клименко. Нотный автограф. Дарственная надпись автора романа Т.Д. Ратгауз-Клименко.
21. С. Журавлев, «Вечное пламя, актриса и время». Очерк о Т.Д. Ратгауз-Клименко. Машинопись с авторской правкой.

Материалы, собранные Т.Д.Ратгауз-Клименко

22. В.А. Амфитеатров-Кадашев, «Русская музыка в течение столетия (1827–1927)». Комические сценки для театра. Автограф.
23. Оттиск публикаций В. Морковина из истории русской литературы в Чехословацкой Русистике – 4 оттиска.
24. Автографы Е. Чирикова, Н. Плевицкой, И. Лапшина – листы из альбома.
25. Программы Русского зарубежного камерного театра под управлением Б.Н. Эспе в Париже – 11 программ.

Рукописи П.П. Лыжина в собрании Т.Д. Ратгауз-Клименко

26. Перепевы. Сборник переводов стихотворений Т. Готье, Ш. Бодлера, Х. де Эредиа, М. Метерлинка и др. С французского. Ксерокопия – 91 стр.
27. «Поэту», «Дятел», «Пленный ангел», «Терпение», «Закат Казановы». Стихотворения. Поэма. Автограф – 9 листов.
28. Рассказы «Зурбаран», «Последнее приключение», «Опрокида Перекувыркеевна» – вырезки из газет.

Изобразительные материалы

29. Рисунки Т.Д. Ратгауз-Клименко – 2.
30. Фото со скульптурного портрета Т.Д. Ратгауз-Клименко работы А. Головина, рисованных портретов работы С.Л. Андреева, Б.Ю. Клодта – 3.
31. Фото Т.Д. Ратгауз-Клименко в жизни, индивидуальные – 3.
32. Фото Т.Д. Ратгауз-Клименко в группах с артистами Русского драматического театра драмы в Риге, участниками литературного объединения «Скит поэтов» в Праге – 7.
33. Фото

И.Ф. Булатова – 1.

А.Н. Вертинского с автографом – 1.

П.П. Лыжина – 1.

Е.А. Максимович-Кизеветтер – 1.

Л.Н. Мельниковой – 1.

Е.А. Полевицкой – фотография с автографом – 1.

Л.В. Собинова с автографом – 1.

К. Тимашовой с автографом – 1.

Р. Унгерна с автографом – 1.

Л.Н. Урванцова с сыном – 1.

Фото сцен из спектаклей Русского драматического театра в Праге, Русского театра драмы в Риге – 6.

3.XI.[19]85 г. Секретарь Мемуарной комиссии Президиума ВТО /подпись/³.

Ответственность за сохранность документа была чертой, присущей ТКР, сформировавшей ее стиль в работе над мемуарами и эпистолярием. Публикуемый текст представляет из себя черновик записи из рубрики «Рукописи Т.Д. Ратгауз-Клименко» (6-ой свод «Попытка наброска воспоминаний. «Прага 1923–1935». «Рига 1935–1946»), оформленной набело для отсылки в Мемуарную комиссию Президиума Всесоюзного Театрального Общества в 1980-е годы. Черновик из «домашнего» архива интересен своими поправками, приписками, знаками «!!» и «??»; он более поливалентен в содержательном смысле, т.к. восполнялся более поздними приписками и ссылками на получаемую корреспонденцию.

Текст воспоминаний собирался постепенно, между его сюжетными частями были затяжные паузы длиной в месяцы, даже годы. На отдельных листках вписывались пропущенные события,

³ Rakstniecības, teātra un mūzikas muzejs: T. Ratgauza. 508602. R6/6. Arhīva dokumentālo materiālu apraksts 5 lр. [Государственный музей литературы, театра и музыки, фонд Т. Ратгауз. 508602. Рукопись 6/6. Опись архивных документальных материалов 5 страниц]. Далее ссылки на это хранилище приводятся сокращенно – Музей.

комментарий к ним, корректировка дат и текстов. Такой «постскрипtumный» стиль характерен для всей канвы мемуаров и частично объясняет их незавершенность. Если говорить об архитектонике нижеприводимого текста, то заметно, что начальная часть бегло описывает детство и отрочество в городах, где какое-то время проживала семья Ратгаузов – Москва, Киев, Берлин, Прага. Далее фрагменты озаглавливаются в скобках «О моей поэзии», «Добавления, Рига, апрель 1985 г.», «На отдельных листах». Таким образом, перед нами – попытки мемуара, первая черновая версия, которая так и не воплотилась в цельный, развернутый текст. Каждая новая тема в нем претендует на самостоятельный сюжет в канве воспоминаний; «второстепенные» события, обрамляющие центральную тему, высвечивают важные эпизоды демонстрируемой «картины» жизни, но такие факторы как самоцензура, возможность краткого формата публикации, своеобразие саморефлексии приносили свои особенности в подбор фактов и их репрезентацию. Блокнотные записи, общие тетради с наклейками из дореволюционной и эмигрантской прессы, «обрывки» писем, «тематические тетради» с подшивками газетных, журнальных и книжных абзацев, – все это стало необходимым подручным материалом⁴ в складывании единого мемуарного сюжета о собственной жизни и творчестве, об окружающих ее людях и их исканиях в театре, в культуре и в литературе своего времени. Большинство мемуарных тем были лишь затронуты ТКР. И ещё один важнейший источник, о котором автор лишь упоминает вскользь, говоря о «хобби» Д.М. Ратгауза собирать автографы⁵. На протяжении всей жизни ТКР собирала автографы, которые

⁴ В этой связи особенно интересна рукописная тетрадь, хранящаяся в Музее: № 508573 Ratg R3/16. Rokr. Burtnīca ar Ratgauzas piezīm. Par Krievu rakstnieku, žurnālistu un māksl. Darbību Prāgā 20.-30. Gados, 8 lp. Aprakst. Ar tinti vāki ar uzrakstu: "Praga (čto pojav[al]osj v pečati)" [Рукописная тетрадь с заметками Ратгауза. О русских писателях, журналистах и художниках. Деятельность в Праге 20–30-х гг. 8 страниц. Опись. Чернилами на обложке «Прага. Что появлялось в печати»].

⁵ Судьба коллекции автографов современников, собранной Д.М. Ратгаузом, неизвестна.

сохранились в двух альбомах. Расположенные по хронологии, эти материалы также способствуют постепенному развертыванию мемуарной хроники, и автор неоднократно упоминает о них.

Если воспоминания об отце были первым опытом, то опубликованный в середине 1990-х гг. очерк «Сцена и я» (КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1996) был «театральным» мемуаром, в центре которого была сама актриса. Поскольку очерку предшествовала книга «Вся моя жизнь», где, помимо воспоминаний, были опубликованы стихи разных лет, то театральный очерк восполнял пропущенный и, по словам ТКР, самый важный сюжет её творческих исканий. Несомненно, что подготовленные к изданию части (история литературства отца, интерес к театру и становление артистической карьеры, канва жизни и перечень театральных ролей) должны были соединиться в единый мемуарный сюжет, более точно воплощающий смысл заголовка первой и единственной книги. Этого не случилось, но черновики свидетельствуют об этом стремлении ТКР.

Как каждое основанное на фактах повествование о жизненном отрезке стремится стать документом своего времени, так и публикуемые воспоминания актрисы и поэтессы претендуют на статус отражения эпохи, начиная с детских московских впечатлений, и до середины 80-х гг. прошлого века.

Если возможно в данном случае говорить об авторской стратегии, то предназначение ниже публикуемых мемуарных набросков – скрепить воедино то, что вспомнилось, оживить разные эпизоды жизненных воплощений при неизменно высоком сохранении индекса достоверности. В сносках и примечаниях учитываются сюжетные линии того или иного периода: мадригалы, посвящения, надписи на книгах, автографы в альбомах, рисунки и фото частично восполняют события, отмеченные лишь «конспективно». В публикации за исключением особых случаев сохранены орфография и пунктуация ТКР.

* * *

Попытка наброска Воспоминаний. Прага 1923–1935. Рига 1935–1946

Мое раннее детство прошло в Москве. Как я уже говорила в воспоминаниях об отце, родители мои были большими любителями театра, и я с ранних лет находилась в атмосфере поклонения театральному искусству.

Я очень рано научилась читать и писать. Мне было едва шесть лет, когда стала приходить ко мне домашняя учительница обучать меня «всем предметам». Я увлекалась чтением вслух и обожала скороговорки. Тараторила их десятками. Почему-то я считала необходимым четко и точно произносить слова. Помню, как я возмущалась тем, что пятилетняя Маня, дочь нашей кухарки, бывшая немного моложе меня, говорила вместо «Шарик гуляет» – «Саик гуляет». Я энергично пыталась учить ее правильно говорить, но довольно безуспешно.

Мама как-то повела меня на утренник – выступления какой-то детской балетной школы. После этого, когда я дома оставалась одна, я заводила граммофон и танцевала. В шесть же лет меня нельзя было отогнать от пианино, и я с радостью стала брать уроки музыки. Учительницей моей была знакомая, учащаяся на последнем курсе консерватории. В общем музыкой я занималась фактически лет до четырнадцати, когда уже за границей, из-за отсутствия пианино, лишилась этой возможности. Одно время урывками пыталась упражняться у каких-то соседей (знакомых, владевших роялем или пианино, у меня в то время не было, – это были первые годы моей жизни в Праге), платя по часам за время упражнений, но денег у родителей не хватало и музыку пришлось бросить, – и когда, после довольно длительного перерыва я села за рояль и почувствовала, что начала «мазать», то поняла, что более серьезное занятие музыкой для меня потеряно.

В Москве, когда мне было семь лет, мама меня впервые повела в театр – в МХТ, на спектакль «Синяя птица» Метерлинка. Помню,

что во время спектакля я внутренне дрожала мелкой дрожью. Память об этом спектакле я каким-то светлым чудом пронесла через всю жизнь. (Через десять лет после посещения этого спектакля, будучи уже семнадцатилетней, в Праге, познакомившись с артистом МХТ Дуваном-Торцовым⁶, я сразу спросила его: «А Вы в “Синей птице” играли Хлеб? – и он ответил: «Да, конечно».) И сейчас, в свои семьдесят пять лет, я храню воспоминание об этой «Синей птице» как светлое радостное чудо в моей жизни.

Помню затем еще детский спектакль в Москве (кажется, в те-атре Корша?⁷) «Степка-растрепка» с Алексеевой-Мисхиевой в главной роли. Мои родители были с нею знакомы, и она почему-то сама принесла нам на дом билеты. Я потом никак не могла убедить себя в том, что этот мальчик Степка, которого я вижу на сцене, и есть та самая хрупкая, очень женственная взрослая женщина, которая приходила к нам. Степка мне очень понравился, но никаких новых эмоций спектакль у меня не вызвал.

В восемь лет я с родителями уехала из Москвы в Киев, где жили родственники отца. Там я познакомилась с оперой. Это были спектакли «Евгений Онегин» и «Хованщина». Мне все это очень нравилось, но ни с чем не сравнимого счастья с «Синей птицей» во МХТ-е у меня никогда больше не повторилось.

Еще одна маленькая страничка моей жизни овеяна светом сценического искусства: в Киеве, в доме, в котором мы жили, было много детей. Мы часто играли вместе во дворе. Как-то (примерно, в 1920–1921-ом годах) одна девочка (она была старше нас, ей было лет 15–16, – и все, что я о ней помню, это то, что она училась танцевать. И все ее звали Тюней – а она была Тамарой). Не знаю, откуда у нее были какие-то познания «азов» сценического искусства, но она из восьмидесяти девочек от 9–12-ти лет (мальчиков, подходящих и желающих,

⁶ Дуван-Торцов - сценический псевдоним Дувана Исаака Эзровича (1873–1939), актер и режиссер МХТ, с 1919 г. в эмиграции (Болгария, Германия, Чехословакия, Франция).

⁷ Театр Корша – московский Русский драматический театр, существовавший в 1882–1933 гг., названный по имени драматурга, переводчика, антрепренера Корша Федора Адамовича (1852–1923).

не нашлось) «организовала» драм[атическую] студию. Она обучала нас «азам»: мы читали «Ворону и лисицу», оченьгодились тут мои любимые скороговорки, она пыталась проходить с нами этюды и т. д. и т. п. В результате нашей работы состоялся спектакль по мотивам сказки Оскара Уайльда «Счастливый принц». Счастливым принцем была я, несмотря на мои длинные волосы, которые искусно подвязывала. Я неподвижно стояла на стуле, и все свои переживания выражала только словом, не двигаясь. Вокруг меня тоже в неподвижных позах сидели «статуи» – хор девочек, подхватывающих как бы эхом окончания моих с ласточкой реплик. Зрители, главным образом – родственники участников спектакля, – восторженно аплодировали. Я же особенно остро вкусила первый «яд» успеха, когда на следующий день, войдя в комнату, застала мою четырехлетнюю двоюродную сестричку, стоящую на коленях в большом кресле и с каким-то отрешенным видом глядящую в пространство и вещающую последние слова моего (принца) монолога: «Ласточка! Ты умерла? Ласточка! Мое сердце разрывается!...» Я – довольно смело – решила, что покорила ее своей игрой, и в глубине души исполнилась гордости. Таково было для меня первое «предвестие» свидания с Мельпоменой.

Скоро жизнь моя пошла кувырком. В 1921-ом году я очутилась в Берлине, где постоянно проживали родственники моей матери. В то время (в 1922-м г.) МХТ был там проездом на заграничных гастролях. Отец, будучи знакомым с К.С. Станиславским⁸, Леонидовым⁹, Качаловым¹⁰ и другими актерами, встречался с ними в Берлине. Тогда же отец «заразил» меня своим странным «хобби»: сбором автографов¹¹. Одним из первых в мой альбом сделали памятные

⁸ Станиславский Константин Сергеевич (1865–1938), актер, режиссер, теоретик сценического искусства.

⁹ Леонидов Леонид Миронович (1873–1941), актер, режиссер, педагог.

¹⁰ Качалов Василий Иванович (1875–1948), актер МХТ, педагог.

¹¹ В альбом автографов Д.М. Ратгауз вписал стихотворное послание дочери:

Моей Тасеньке.

Дорогой моей девочке

Что впишу я в альбом? –

надписи О.Л. Книппер-Чехова и В.И. Качалов¹², оставил свой автошарж Алексей Николаевич Толстой¹³. (До сих пор хранится этот уже совсем обветшалый от времени альбомчик, где есть автографы Шаляпина¹⁴ и Собинова¹⁵, актера Ст. Кузнецова¹⁶, певицы Надежды Плевицкой¹⁷ (впоследствии умершей в парижской тюрьме в связи с

Пусть все в жизни ей кажется
Светлым, радостным сном,
Пусть ей блещет до старости
Яркий солнечный свет, –
Дорогой моей девочке
Много радостных лет!
Горячо любящий тебя
Папа <подпись>

1922 г. 1/17 г. Берлин.

¹² Записи в альбом автографов сделаны в Берлине в начале 1922 г.: «“Те, которые будут жить после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу – помянут ли они нас добрым словом?” (А. Чехов). В. Качалов. Берлин. 1922 январь». Цитируется в сокращении реплика Астрова: «Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях» (ЧЕХОВ 1978: 64). Инскрипт Книппер-Чеховой Ольги Леонардовны (1868–1959), актрисы и вдовы А.П. Чехова расположен рядом с предшествующим: «Что мне написать Вам, милая Таня? Я так мало знаю Вас. Растите большая, радуйтесь на жизнь и любите все прекрасное... Ольга Книппер-Чехова. Берлин 15 янв. 1922» (частный архив).

¹³ «1922/IX 25. [рисунок, под ним надпись] Я не красив, но чертовски симпатичен. А. Толстой. Надеюсь, не забудете меня – хотя бы как Ваш контраст» (частный архив).

¹⁴ Шаляпин Федор Иванович н (1873–1938), оперный и камерный певец, исполнитель романсов на стихи Ратгауза, к 40-летию литературной деятельности прислал телеграмму и денежный чек.

¹⁵ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934), известный оперный тенор, исполнитель романсов на стихи Д.М. Ратгауза.

¹⁶ Кузнецов Степан Леонидович (1879-1932). актер с 1921 г. выступал в составе различных трупп в Берлине, Ревеле, Софии.

¹⁷ Плевицкая Надежда Васильевна (1884–1940) известная российская певица, исполнительница русских народных песен и городских романсов. С 1920 г. вместе с мужем генералом Н.В. Скоблиным в эмиграции. Жила в Париже, гастролировала по Европе и США. В сентябре 1937 г. была арестована французской полицией по обвинению в шпионаже в пользу СССР и в соучастии в похищении председателя Русского общевоинского союза генерала Е.К. Миллера. Осуждена на 20 лет каторжных работ, умерла в заключении. Об участии Н.В. Плевицкой Т. Ратгауз могла следить по материалам газет «Сегодня» (1937. № 263; 1938. № 133, 334, 337, 339, 346, 350, 351) и «Сегодня вечером» (1937. № 221, 222, 225), по журналу «Для Вас» (1937.

инкриминированным ей уголовным делом), Игоря Северянина¹⁸, А.Н. Вертинского¹⁹, баритона Г. Баклакова²⁰, Н.Н. Евреинова²¹,

№ 40–41). На странице альбома автографов осталась ее запись: «Чем проще, тем лучше». Запомните это, милая Таня. В простоте вся прелесть. Желаю Вам быть такой же талантливой как Ваш отец. Н. Плевицкая. 3/IV 25 г. Прага» (частный архив).

¹⁸ Автограф Игоря Северянина: «Искусство с нами, – и Бог за нас! Игорь-Северянин. Прага. 1925.» (частный архив).

¹⁹ Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) эстрадный артист, композитор, поэт и певец. С 1920 г. в эмиграции, жил в Польше, Германии, в Париже, в Шанхае. В 1943 г. вернулся с семьей в СССР. Был дружен с писателем Львом Никулиным (1891–1956), который был автором стихов к песням, исполнявшимся А. Вертинским, одна из которых приводится ниже. В альбоме автографов сохранилась его запись: «Милой Танюше – в противоядие от вегетарианской морали моей милой, но слишком астральной кузины. А. Вертинский. Прага 19 мая 1926.» (частный архив).

Разве сердцу есть запрет?
Нет!
Страсть проходит навсегда?
Да!
Сердце помнит много лет?
Нет!
И забудет навсегда?
Да!
Так зачем же людям брак?
Так!!
Ныть дуэтом на луну?
Ну...
Одевать зачем-то фрак...
Так?
И когда клонит ко сну...
Ну?
Разве сердцу есть запрет?
Нет.
Так зачем же людям брак?
Так!

(Л. Никулин)

²⁰ Речь идет об оперном певце Бакланове Георгии Андреевиче (1880–1938) латышского происхождения – Alfons Georg Bāķis.

²¹ Евреинов Николай Николаевич (1879–1953), драматург, историк театра, режиссер. В 1923 г. эмигрировал в Берлин, переехал в Париж.

художника Ив. Билибина²², писателей Ив. Бунина, Евг. Чирикова, Л. Урванцова и ряда пражских русских профессоров)²³.

В Берлине неподалеку от нас жил Василий Иванович Немирович-Данченко²⁴ (брат режиссера МХТ – Владимира Ивановича). Мы встречались с ним примерно в 1922–23-ем годах, проживал он со своей племянницей графиней Еленой Самсоновной Тизенгаузен, у него мы часто встречали писателя Александра Андреевича [так!] Горного (Оцупа)²⁵, брата поэта Николая Оцупа, последнего, помнится, там не бывало. Вас. Ив. Немирович-Данченко переехал в Прагу из Берлина, помнится, году в 1923-м, вскоре туда переехали и мы. (Помню его посещение нас еще до революции, в Москве.) Будучи еще подростком, я прочла его роман «Рыцарь гор». К сожалению, в конце тома стояло: конец первой части. Когда я в более поздние годы спросила его о втором томе, он засмеялся и весело сказал: «А второго тома я так и не написал»!

Затем я с родителями переехала в Чехословакию, в Прагу, где в то время буржуазное правительство оказывало материальную помощь представителям русской интеллигенции и студентам. Субсидия отца была, конечно, довольно скудной. Как и в Берлине, мать подрабатывала шитьем и вязанием. Ни к каким политическим

²² Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), график, театральный художник. В 1920 г. эмигрировал в Египет, в 1925 г. переехал в Париж.

²³ Профессор Московского университета, историк Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) в 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Чехословацкой республике с 27 декабря 1922 г., был проректором Русского народного университета в Праге, читал лекции в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского. Был другом семьи Ратгаузов, на 40-летие литературной деятельности Д.М. Ратгауза откликнулся вступительной торжественной речью и поэтическим посланием в его честь (воспроизведено: СПРОГЕ 2000: 234), в альбоме оставил следующий автограф: «От души желаю Вам в дни счастья не поддаваться легковерной мечте, несущей с собою разочарование; а в тяжкие минуты ни на миг не утрачивать веры в свои силы, и тогда – ничто не страшно! А. Кизеветтер. 1932». В томе «Воспоминаний о Русской Праге» (БЕЛОШЕВСКАЯ 2011) приводятся материалы о семьях Ратгауза и Кизеветтера.

²⁴ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936), писатель.

²⁵ Ошибка в отчестве: Оцуп Александр Авдеевич, литературный псевдоним Сергей Горный (1882–1949), литератор, брат Н.А. Оцупа.

группировкам отец не примыкал, и я должна сказать, что и я, и все мое молодежное окружение были очень далеки от какой-либо политики. Всю жизнь я благодарна своему отцу за его приверженность к иностранным языкам, которую я полностью разделяю. Сам он знал с детства несколько языков (в Берлине, кстати, занимался переводом с французского каких-то мемуаров) и всегда говорил мне: «Если не будет у тебя в руках ничего, но ты будешь знать хоть какой-нибудь иностранный язык, – у тебя всегда будет кусок хлеба». Я с детства знала русский и немецкий, и французский, который, увы, с годами, без практики, основательно подзабыла, но зато мои родители на последние гроши довольно долго оплачивали мое домашнее обучение, и я экстерном сдавала экзамены в гимназию, а затем поступила и окончила английский колледж в Праге, где преподавателями у нас в подавляющем большинстве были англичане. В результате, кроме русского и немецкого, а также чешского я полностью владею английским языком, что очень помогает мне в материально трудные минуты жизни.

По приезде в Прагу мы (отец, мать и я) раз в неделю стали посещать еженедельные вечера-встречи Чешско-Русской «Едноты» (общество сближения чехов и русских, которое существовало в Праге, кажется, уже с начала 20-х годов). Возглавлял «Едноту» д[окто]р Курц и его жена (пианистка, всегда аккомпанировавшая в случае выступления певцов)²⁶. Я не знаю точно, кто, но было у этого общества и правление, кажется, в нем состояла и Анна Тескова²⁷, литературовед, приятельница Марины Цветаевой. Я знаю только, что начинание это было прекрасное! В небольшом (почему-то называвшемся японским) зале отеля Беранек – на одном конце стояло пианино, на другом – длинный стол с самоваром и дешевыми

²⁶ Курц Антонин (Kurz Antonin; 1855–1943), чешский врач, музыкант, педагог, член общества «Художественная беседа», многолетний заместитель председателя Чешско-русского общества, «Едноты»; Курцова Здена (Kurzová Zdena; ? – 1941), музыкант, педагог, жена А. Курца. Об «Едноте» и встрече и впечатлении от юной ТКР см. также: Лосский 1994: 23, 38, 49, 55, 61.

²⁷ Тескова Анна Антоновна (1872–1954), чешская писательница и переводчица, корреспондентка русского поэта Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941).

лакомствами. Все собравшиеся сидели отдельно за столиками, своими компаниями, пили чай с печеньем. За самоваром неизменно сидела очень приятная дама Анна Захаровна Смирнова (кажется, жена преподавателя рисования). В более поздние годы она также была «хозяйкой» чайного буфета в «Русском очаге», организованном главным образом для русских студентов. Здесь же в «очаге» была и библиотека-читальня.

Обязательно каждую неделю в «Едноте» были какие-либо выступления, доклады, музыкальные номера. Никакой враждебной противосоветской окраски, помнится, эти собрания не имели. Приезжающие в Прагу или бывшие здесь проездом русские посещали «Едноту», так как это было место встреч. Помню поэта Петра Потемкина²⁸, выступавшего со своими стихами, Игоря Северянина, исполнявшего свои стихи нараспев под одну определенную мелодию; приезжавшая в связи с выставкой в Праге картин И.Е. Репина его дочь, Вера Ильинична²⁹, помню, интересно рассказывала об отце, проживавшем тогда в Финляндии. Выступала там очень известная в те годы совсем молодая чешская певица Ярмила Новотна³⁰.

²⁸ Потемкин Петр Петрович (1886–1926). 29 марта 1924 г. выступал в гостинице «Беранек» на литературном вечере, организованном «Еднотой», и посвященном творчеству И. Махара (см. запись об этом – Хроника литературной жизни Русского Зарубежья: Чехословакия (1919-1939) // Российский литературоведческий журнал. 1999, № 12. С. 227), тогда же он записал в альбом Татьяны Ратгауз автограф своего стихотворения «Весна» без первого четверостишия и с измененным третьим стихом во втором катрене, т.е. изменениями, соответствующими «стихам по случаю»: «Уж на Неве сыпучий лед / Ручьями исковеркало. – / Вновь по асфальту потечет / Расплавленное зеркало / И ты себя увидишь там, / Ступающей по облаку, / По ярким синим небесам, / По солнечному облику... / Не раздави! Не наступай! / Иди по ним с опаскою / Не то назад умчится Май / Не озарив нас ласкою. П. Потемкин. Прага, 29/III 1924» (частный архив).

²⁹ Репина Вера Ильинична (1872-1948), старшая дочь художника, хранительница усадьбы «Пенаты» и архива отца.

³⁰ Ср. в воспоминаниях поэта-«скитника» В. Морковина (1906–1973): «В конце двадцатых годов в Праге блистала певица Ярмила Новотная [так!]. У нее было поразительное по красоте меццо-сопрано, сама она была воплощением изящества (об актрисах не говорю – “она хорошенькая”, это недостаточно серьезно, а – “у нее чрезвычайно благоприятные внешние данные”). Вернувшись с ее концерта, совсем потерявши голову, я сел и написал:

Посещали «Едноту» и чешские литераторы.

Для большинства из нас, русских, «Еднота» была местом встреч со знакомыми. Там же я познакомилась с бывшим со своей матерью в Праге проездом, младшим сыном Леонида Андреева, Саввой³¹. Шестнадцатилетний юноша «пылко» в меня влюбился, засунул тайком письмо, восхваляющее мою «красоту» в карман моего пальто в гардеробе. Но, несмотря на то что я разрешила ему себя нарисовать (у него были безусловные данные художника), я относилась к нему в высшей степени свысока, так как считала его мальчишкой (16 лет!), а мне нравились взрослые «зрелые» люди³². О судьбе Саввы знаю, что,

Утро.

Бегу сквозь мглу...

Алексей Эйсер часто заходил в «Русский Очаг» [...] В то время он уже был известен в Праге как поэт. Как-то в «Русском Доме» ставили его пьесу. Она была символическая, Татьяна Ратгауз играла в ней «роковую женщину». Я показал «Концерт» Эйсеру. Он сделал несколько замечаний. Явно не придавая стихам большого значения. Согласившись с ним, я произвел поправки, потом начистил до блеска ботинки и отнес стихотворение в «Волю России». Марк Львович Слоним, руководивший литературным отделом, его принял и напечатал. С книжкой журнала в руках я пошел на очередной концерт и трепеща прошел в артистическую. Новотная была одна. Заикаясь, я ей объяснил причину моего прихода. – Я очень польщена, – улыбнулась она. – Право, я не знаю, как вас вознаградить... – Вы меня вознаградил уже тем, что я смог написать эти стихи, – нашелся я. – О! Она отстегнула розу от корсажа и подала мне. – Как вы устроитесь с переводом? – спросил я в тайной надежде увидеть ее снова. – Не беспокойтесь, мне переведет Рудольф Медек. Позднее она вышла по расчету за крупного чешского помещика, а еще позже уехала в Америку. После войны я ее случайно встретил на улице около Национального театра, но разговора не вышло. Вскоре она опять уехала за океан» (МОРКОВИН 1993: 201). В своих воспоминаниях мемуарист представляет исключительно интересный сюжет о ТКР и «скитниках» МОРКОВИН 1993: 190–215).

³¹ Андреев Савва Леонидович (1909–1970), сын писателя Л.Н. Андреева, художник, танцовщик. Танцевал в балетных труппах И. Рубинштейн и «Казино де Пари», с 1936 г. – в антрепризе В.Г. Воскресенского «Русский балет де Базиля». Во время войны попал в США, затем в Аргентину. Некролог: Русская мысль. 1970. 17 дек. № 2821. С. 7 (благодарю за информацию Л.А. Мнухина).

³² Портрет пастелью Татьяны Ратгауз воспроизведен неоднократно (см.: СПРОГЕ 1996: 135). Письменное признание Саввы Андреева было переписано её рукой с примечанием «Письмо тайком вложенное им в карман моего пальто в 1925 г. (очевидно в конце октября?): “Я не могу смотреть спокойно на такую красоту, как Ваша. Она слишком сильно, слишком властно действует, чтобы ей сопротивляться.

увы, позднее он не стал художником, но у него открылись способности к танцу, и он танцевал в балете, в Аргентине, в опере Буэнос-Айреса. Он давно уже умер. В начале или середине 70-х годов я познакомилась с сестрой Саввы, Верой Леонидовной Андреевой-Рыжковой³³, проживавшей тогда в Москве. Я отдала ей письмо Саввы и оригинал рисунка. С тех пор, увы, потеряла с ней связь и даже не знаю, жива ли она.

Жилищный вопрос в Праге был трудным. Приходилось снимать частные комнаты. Так мы несколько лет жили с «входом через хозяйку», то есть приходилось проходить через хозяйскую жилую комнату или кухню. Очень многие русские (среди них также и Марина Цветаева) жили за городом, в дачных поселках: Горные Черношницы, Вшеноры, Мокропсы. В последующие годы строительство Праги стало все больше расти и уже, примерно, к 1927–28 году мы, например, перебрались в дом, именовавшийся «Карлтон», построенный по коридорной системе с комнатами – «гарсоньерами», комната метров 18–20, в которой находилась газовая плита, раковина, ниша с ванной и отдельной каморкой – туалетом. Тут же на нашем этаже жил профессор Флоровский (филолог)³⁴ с женой, а также одно время – В.А. Амфитеатров-

[...] Среди дымных улиц, среди тупых, бездарных и некрасивых лиц, среди остриженных голов и пошлых физиономий, Ваше лицо, Ваша нетронутая, гордая и благородная красота бьёт сразу, сильно и надолго, пока смотришь на Вас ток красоты Вашей не перестает действовать, трудно не смотреть на Вас, трудно уйти от Вас. [...] Зачем Вы в Праге, зачем Вы, прекрасная, среди некрасивых? На Вас должно светить другое солнце, Вас должны окружать другие люди и поклоняться Вам как древние поклонялись красоте и богам своим, как поклоняюсь Вам я. [...] Спасибо Вам за то, что до этого письма Вы позволили смотреть на Вас и даже рисовать Вас» (частный архив).

³³ Андреева Вера Леонидовна (в замужестве Рыжкова; 1910–1986), дочь писателя Л.Н. Андреева, сестра Саввы Андреева, оставила книги воспоминаний «Дом на Черной речке», «Эхо прошедшего». Была в переписке с ТКР.

³⁴ Речь идет об историке, слависте и педагоге Флоровском Антонии Васильевиче (1884–1968), брате философа Г.В. Флоровского (1893–1979).

Кадашев, литератор (сын А. Амфитеатрова, известного когда-то беллетриста, автора романов «Восьмидесятники» и др.)³⁵.

Возвращаясь к Едноте. Мне там тоже бывало приходилось выступать. Знатной была веселая затея профессора Айхенвальда³⁶ и И.И. Лапшина (филолога, большого и страстного любителя и знатока музыки)³⁷ – исполнение «Детской симфонии» Гайдна. Помню, кроме «Мадам» Курц (так ее называли – ее имени и отчества не помню) и каких-то других музыкантов (кажется, скрипку и виолончель); я играла на трещотке; профессор Лапшин на «соловье» (помню, он дул в специально изогнутую глиняную трубочку с водой); жена профессора Айхенвальда играла на какой-то сложно функционирующей деревянной «кукушке»; кто-то бил в колокольчик «треугольник», а профессор Айхенвальд дирижировал почему-то большой кухонной поварешкой.

Примерно в тот же период, еще будучи школьницей, я вместе с отцом стала иногда посещать кафе «Далиборку», где собирались кое-какие русские литераторы. В Праге в «Далиборку» попала как-то случайно, примерно в 1924–25 году; вероятно, П.А. Кожевников³⁸ пригласил отца и меня³⁹.

³⁵ Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович (1888–1942), литератор, драматург. В бытность свою в Праге был завлитом руководимой Л.С. Камеровской Студии молодых артистов, был в дружеских отношениях с ТКР, неоднократно вписывал в ее альбом автографов шуточные мадригалы, некоторые из которых приводятся в настоящей публикации. Автор студийного спектакля, имевшего огромный успех «Русская муза в течении столетия (четыре скетча)», где ТКР исполняла главные роли. См. о нем: АМФИТЕАТРОВ-КАДАШЕВ 1996; СПРОГЕ 2018. Фотография Пражской театральной студии, где присутствуют Т.Д. Ратгауз, Л.С. Ильяшенко-Камеровская, Вл. Амфитеатров-Кадашев и др. воспроизведена в: СПРОГЕ 2017: 271.

³⁶ Ошибка памяти. Возможно, речь идет об Григории Исааковиче Альтшуллере (1895–1983), докторе медицины и члене музыкальной секции Пражского содружества искусств.

³⁷ Об Лапшине Иване Ивановиче (1870–1952) философе, литературоведе, музыковед см.: БАРСОВА 1997.

³⁸ Кожевников Петр Алексеевич (1882–1947), писатель.

³⁹ Фотография Т. Ратгауз, Д.М. Ратгауза, Вас. Ив. Немировича-Данченко, П. Кожевникова в кафе «Далиборка» находится в частном архиве.

О моей поэзии

Стихи я писала всю жизнь, правда, я сохраняла немного, очень многое браковала и писала не очень часто. Писать стихи я стала с детства, «всерьез» этого сама не принимала. Помню лет в пять я, смотря на картинку какого-то детского журнала, изображающую мать, провожающую детей в школу и целующую их по очереди, причем один ребенок почему-то стоял в отдалении с грустным – как мне, видимо, показалось – лицом, и я изрекла первые рифмованные строки: «Мама деточек целует, а меня ни раз; хоть бы в щечку, хоть бы в губки, хоть бы в глаз». Я начала учиться с учительницей «по всем предметам» очень рано, а еще раньше научилась каким-то образом сама и читать, и писать. Тогда, лет в шесть начались «хрестоматийные» подражания, не столь грамотные, сколь чувствительные: «Ивушка родная, что ты не цветешь? Вон, взгляни, желтеет там в долине рожь...». Как-то более серьезно стала относиться к своему писанию уже с четырнадцати-пятнадцати лет. Отец мой, который очень меня любил, к стихам моим относился с ласковой терпимостью. Они едва ли были ему близки. Поначалу я, конечно, как большинство девочек, была под влиянием А. Ахматовой⁴⁰, упивалась ею с двенадцатилетнего возраста, но в дальнейшем я от нее отошла. Особенно в «Скиту» мы все увлекались Б. Пастернаком, Н. Асеевым, Н. Тихоновым и многими другими советскими поэтами. Мой большой друг Вл. Алекс. Амфитеатров-Кадашев в написанном им мне на память в альбом стишке ласково посмеялся надо мной: «Все казалось Вам тускло и матово: Сказки, краски и отблеск зари... Вы писали – совсем как Ахматова, что на небе зажглись фонари»... Первые мои стихи (кажется!) «В сумраке»⁴¹

⁴⁰ В середине 1950-х гг. ТКР из Риги отправила Анне Ахматовой письмо о своём глубочайшем уважении к ней и любви к её творчеству, в конце письма были от руки записаны стихотворения разных лет, ответа от Ахматовой получено не было: см.: СПРОГЕ 2020: 148-156.

⁴¹ В рукописном альбоме стихов на 6-ом листе наклеен опубликованный текст стихотворения «В сумраке» с чернильной пометкой: «нап[исано] 14.IX.25»:

Тускнеет вечер. Вяло глохнут звуки
И только бьют часы в девятый раз:

были напечатаны в журнале «Студенческие годы» (в Праге в 1924–1925 г. в № 5 (22) 1925. Нет, это совсем другое, кажется, в 1924 г.). Кажется, там же и (1924 г.) «Я пришла из царства тусклых красок» (это, видимо, и дало повод посмеяться надо мною Амфитеатрову-Кадашеву)⁴². Совершенно не помню, кому отдала для напечатания эти стихи. Позднее, уже более зрелые вещи стала посылать (вероятно, по чьему-то совету, т.к. сама едва ли решилась) в редакции сама). Кажется, для «Современных записок» в Париже послала стихотворение «Весеннее» (уже более зрелое) выдающемуся писателю

Ложится тень на стиснутые руки,
И мягче, и светлей глубины глаз.
Цветную лампу засветить нет силы,
И сумрак вьется, тусклый и немой...
Я с дрожью жду когда твой голос милый
Произнесет: «А мне пора домой...»
И ты уйдешь. Задремлет вечер синий
И я скажу: «Он был в последний раз!»
Но звезд, ласкающих жемчужный иней
Напомнит мне улыбку тихих глаз.

(Музей: № 508607 Ratg. R 1/3 Rokr. Albūms – T. Ratgauzas 1925–1930 g. dzejoli [рукописный альбом Т. Ратгауз. Стихи 1925–1930 гг.]).

⁴² Вверху чернилами датировка: «1924!». Под текстом: «нап[исано] 16.XII.»:

Я пришла из царства тусклых красок...
Я пришла из царства мертвенных снегов...
Я с собой взяла венец из сказок
И оборванных туманных слов.
Я пришла за солнечным сияньем...
Я пришла, чтоб научиться жить...
Я, открыв объятья жизненным страданиям,
Навсегда порвала сказочную нить.
Я теперь как все, – бледна и сера;
Да, быть может всех других бледней!..
Оттого, что в сердце гаснет, гаснет вера...
Оттого, что я страшусь живых лучей.
Оттого, что я из царства тусклых красок,
Оттого, что я из царства мертвенных снегов, –
Не понять тебе моих туманных сказок
И оборванных устало-скорбных слов! (Там же).

М.А. Алданову, с просьбой передать в редакцию. (Алданов по какому-то поводу обменялся письмами с моим покойным отцом)⁴³.

Вообще-то говоря, мне трудно теперь писать о себе-поэтессе. Как и многое другое в моей жизни, увы, и это сложилось как-то нескладно. Писала я немного, но всё же всё продолжала писать, чувствуя, что «крепну». Никогда – после одной неудачной попытки не делала поэтических переводов. Это мне абсолютно «не дано» (м.б., это прозвучит дерзко, но автор стихотворения мне «мешает», а «по заказу» стихов-«паровозиков» я писать никогда *не умела*).

В Праге на литературные встречи в «Далиборке» (назывались эти собрания по названию кафе, где мы собирались в отдельной комнате, конечно. Достаточно было заказать стакан кофе или чая). Историю возникновения «Далиборки» я не знала. Возглавлял ее при мне писатель Петр Алексеевич Кожевников. Вспоминаю, что там изредка бывали в гостях и старые писатели, напр[имер], Василий Иванович Немирович-Данченко, Дмитрий Крачковский⁴⁴, мой отец Д.М. Ратгауз, Е.Н. Чириков⁴⁵. Бывал секретарь Союза русских писателей Воеводин⁴⁶, прозаик, до него несколько лет, помнится, был секретарем В.И. Ильинский⁴⁷ (что они оба писали абсолютно не помню, помню только, что – прозу). Помню в Далиборке и поэтов: талантливейшего Вячеслава Лебедева⁴⁸, и Владимира Мансветова⁴⁹ и Алексея Эйслера⁵⁰ (ныне проживающего в Москве) и прозаика

⁴³ Письма Алданова Марка Александровича (1886–1957) к Д.М. Ратгаузу, как и ответные в архиве поэта не обнаружены. Стихотворение «Весеннее» было опубликовано в «Современных записках» 1933 г. в № 55, о чем есть пометка в самодельном альбоме, где текст наклеен из журнала. Стихотворение было републиковано в сборнике «Вся моя жизнь» (КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1987: 30) с разбивкой двадцати стихов на пять катренов.

⁴⁴ Крачковский Дмитрий Николаевич (1882–1947), писатель.

⁴⁵ Чириков Евгений Николаевич (1864–1932), писатель, драматург.

⁴⁶ Воеводин Александр Александрович (1888–1942) писатель, журналист, редактор, издатель, член редколлегии журнала «Студенческие годы», где публиковалась ТКР.

⁴⁷ Ильинский Василий Иванович известен более как поэт и журналист.

⁴⁸ Лебедев Вячеслав Михайлович (1896–1969), «скитник», поэт и прозаик.

⁴⁹ Мансветов Владимир Федорович (1904–1989), «скитник», поэт.

⁵⁰ Эйслер Алексей Владимирович (1905–1984), «скитник», поэт и прозаик.

Василия Федорова⁵¹, очень одаренного. (Последних четырех помню больше уже по «Скиту». Долго я не решалась идти в «Скит». Как я и думала, там требования были значительно выше и дело было поставлено значительно серьезней.) Менее строго и глубоко рассматривались произведения в «Далиборке». Эти собрания носили какой-то – не знаю, как выразиться, – более «салонный» характер. Больше всего помню переводы старых французских поэтов Павла Петровича Лыжина⁵² (он уезжал из Праги на несколько лет в

⁵¹ Федоров Василий Георгиевич (1895–1959), поэт, прозаик, актер.

⁵² Лыжин Павел Петрович (1896–1969), переводчик, литератор, педагог. При жизни почти ничего не опубликовал. На протяжении десятилетий переписывался с ТКР, присылая ей свои произведения и иллюстрации к ним. В альбоме автографов оставил «Канцоньере»:

Canzoniere

Татьяне Даниловне Ратгауз

Прежде вихрем жизнь неслася
И за ней крылатый стих;
А теперь, поверьте, Тася,
Я смирился и затих...
Полный рифм, огня, задора,
Пусть в альбом другой пиит
Из «Скита» иль «Далибора»
Мадригал Вам посвятит.
Я ж теперь, поверьте, Тася,
И смирился и затих...
А когда-то жизнь неслася
И за ней крылатый стих!

<подпись>

Прага, 22 мая 1925.

В письме от 30 октября 1962 г. П.П. Лыжин прислал «Октябрьский канцоньеро» с припиской: «Первый мой «Канцоньере» «далиборковской» эпохи посвящался Вам и начинался «Прежде вихрем жизнь неслася, а за ней крылатый стих...».

Сгинь перо и сгинь бумага,
Коль терзает грудь бронхит,
Коли наша Златопрага
Чернопрагою глядит!
В мрачной сырости и саже
Утопает город наш.
Не до песен мне и даже...

провинцию (как преподаватель французского и русского языков, он в Праге закончил русский юридический факультет) и в «Скиту» не бывал. Должна честно сказать, что в моей старческой памяти уж очень мало осталось от прослушанных тогда произведений. В «Скит» я стала ходить к самому концу двадцатых годов. К этому времени хотя и печаталась в разных газетах и журналах, но лишь к началу тридцатых как-то сама почувствовала, что наконец больше окрепла и как поэт (в «Скит» я пошла по личному приглашению руководителя его, доцента Карлового университета Альфреда Людвиговича Бема⁵³).

[добавление, Рига, апрель 1985 г.] Увы, ничего точного и нового не могу сказать об А.Л. Беме. Его работы известны (а я многого не помню). Помню лично его как тонкого, порою строгого, но всегда доброжелательного критика, человека истинной культуры. Работа в «Скиту» (да, это была *творческая работа*) была, безусловно, много выше бесед в «Далиборке» из-за разного уровня личностей их

Даже мне не до Наташ!
За окошком Златопрага
Чернопрагою глядит.
Сгинь перо и сгинь бумага,
Коль терзает грудь бронхит!

В 1950-е гг. П.П. Лыжин прислал стихи «Дряхлые Музы», где есть такой пассаж: «О, сёстры древние, признаюсь я когда-то, / На жизненной заре несказно был пленен / Античной звучностью торжественных имен: / Полимния, Урания, Эрато! / И шесть других имен божественных сестер / В бреду я бормочу бессвязно до сих пор. / Забытых дочерей забытой Мнемозины / Кто ведает теперь? И в наши времена / Какой чуждак вплетет в октавы и терцины / Давно отжившие, пустые имена? / О сгиньте! Вы смешны, горбаты и убоги! / Не надо мифов им, ни призраков, ни тайн. / Вас трактор заменил, турбины и комбайн». Ряд его шуточных произведений был проиллюстрирован: «Элефантиазис», «Придворный карлик. Баллада», «Три Вампира. Баллада», «Гиппопотамиада», «Зеброслон» (Музей. № 524662 Ratg R6/1 Rakstnieka P. Ližina dzejoļi un veltījumi, ar paša zīmējumiem, 50. gadi, 70 lp. ar tinti. zīm., akvareli. Dāvana T. Ratgauzai [фонд Ратгауз, писателя П. Лыжина стихи и посвящения с рисунками]).

⁵³ Бем Альфред Людвигович (1886–1945), историк литературы, критик, переводчик, доцент Карлова университета в Праге, организатор и руководитель литературного объединения «Скит поэтов» (1922–1940). В его пражском архиве сохранились письма к нему Т. Ратгауз 1936–1940 гг., нахождение ответных писем Бема неизвестно (см.: СПРОГЕ 2021).

«председателей». П.А. Кожевников был (как мне кажется) очень заурядным, ничем не выдающимся человеком (ему льстило его положение «руководителя» кружка, но влияния он, по-моему, не имел никакого). Уж не говорю об исключительно интересных 18 выступлениях А.Л. Бема с литературными докладами. Его я с радостью считаю своим «руководителем» и благодарна его памяти.

К величайшему сожалению, от коллег-поэтов у меня осталось больше общее впечатление. К сожалению, у меня (как это, увы, часто бывает), «зачитали» сборник Аллы Головиной «Лебединая карусель»⁵⁴, сборник талантливого парижского поэта Бориса Поплавского (названия не помню), увы, тоже. Прислал он мне сборник неожиданно, вероятно прочитав где-нибудь понравившиеся ему мои стихи – с краткой дарственной надписью: «Поэтессе – поэт» (окончил он жизнь трагически, – в приступе ностальгии поддался на уговоры какого-то наркомана и покончил с собой)⁵⁵. Вспоминаю в Праге (не в «Скиту», а в «Далиборке») писателя Иосифа Калининкова⁵⁶, – он заходил к нам домой (как, впрочем, довольно многие) – грузноватый, лысый человек, чем-то напоминавший Наполеона (так мы, грешным делом, его и прозвали). Он много рассказывал о написанном им романе «Мощи» (сколько помню, антирелигиозном). Это было в начале тридцатых годов, кажется. Потом он скоро уехал в СССР.

В полудетском возрасте я, что, вероятно, естественно, находилась под пессимистическим влиянием настроений моего отца, хотя поклонницей его стихов никогда не была. Более оптимистичной я стала с годами, хотя никогда не стала «бодрячкой» и «борцом».

[На отдельных листах]

В мае 1925 года в концертном зале Mozarteum состоялся творческий вечер Д.М. Ратгауза, исполнялись романсы на его слова на

⁵⁴ Об отношениях двух «скитниц», автографе и послании Аллы Головиной см.: СПРОГЕ 1998–1999.

⁵⁵ Поплавский Борис Юлианович (1903–1935), поэт «парижской ноты», подарил ТКР поэтический сборник «Флаги» (1931) с инскриптом.

⁵⁶ Калининков Иосиф Федорович (1890–1984), писатель.

музыку Чайковского, Кюи, Аренского и др. Отец выступал сам и несколько артистов читали его стихи. В программе была мелодекламация. В тот день состоялся мой дебют как чтицы. После того как я выступила в небольшой поэтической сцене сочинения отца «Поэт, муза и дух сомнения», меня – совсем еще девочку – стали приглашать для выступлений с декламацией. [...]

В 1924–1925 гг. в Праге была на гастролях труппа МХАТ. Они ездили на гастроли по Европе и Америке, и в результате одна группа актеров осталась за рубежом и стала называться Пражской группой МХАТ. Кроме артистов этой группы в Праге были и артисты других театров России, оказавшиеся за рубежом: В.П. Свободин (позднее актер Рижского театра русской драмы⁵⁷), Н.Г. Коваленская (актриса бывшего Александринского театра)⁵⁸, жена драматурга и писателя Е.Н. Чирикова, В.Н. Иолшина-Чирикова (актриса театра Комиссаржевской), актер и художник А.А. Брей⁵⁹, бывшая ученица

⁵⁷ Свободин Владимир Павлович (1880-1935) с 1927 г. артист Рижского русского драмтеатра.

⁵⁸ Коваленская Нина Григорьевна (1888-?) в начале 1920-х гг. актриса Рижского русского драмтеатра.

⁵⁹ Брей Александр Александрович (1884–1931), художник. Актер второй студии Московского Художественного театра. В 1920-х гг. в Праге – актер и режиссер Первого пражского русского театра. См. в воспоминаниях Ариадны Эфрон пражского периода: «В одну из памятных андреевских дат она [Анна Ильинична, вдова писателя Л.Н. Андреева. – Л.С.] устроила чтение неопубликованной, никому тогда не известной пьесы мужа – «Самсон в оковах». Читать должен был зорко ею высмотренный и ею же на слух проверенный актер А. Брей [так!], одаренный, острого ума человек, рыжий, как лис, и хромым, как Байрон; рукопись пьесы была вручена ему заблаговременно, чтобы он успел всерьез подготовиться... Как сейчас вижу: единственное световое пятно – лампа с классическим абажуром на столе; у стола – кресло для чтеца [...] В полумраке нехорошим темным огнем горят великолепные глаза (очи!) Анны Ильиничны. Брея нет как нет. Опаздывает? Или забыл? Наконец, – [...] влетает наигранно-непринужденно, изящно раскланиваясь и извиняясь на ходу – чтец. Коллективный вздох облегчения. Брей садится в кресло, откашливается, наливает воду из графина, пьет, снова откашливается, бережно достает из потрепанного портфеля рукопись, оглаживает ее, пристраивается поудобнее – Анна Ильинична следит за ним пристальным тигриным взглядом – и – нарастающий, бархатно-громкий, актерский голос – Леонид Андреев. «Самсон в оковах» (ЭФРОН 1989: 212).

Всеволода Мейерхольда Л.С. Камеровская (по мужу), под фамилией Ильяшенко она была первой Незнакомкой в пьесе А. Блока⁶⁰. Она же стала моей руководительницей, а также еще нескольких учеников из студенческой молодежи. Нашим завлитом был В.А. Амфитеатов-Кадашев. Летом 1925 г. я вместе с группой молодежи подрабатывала в массовке в кино, и там, на съемках, оказались В.Л. Зелицкий⁶¹ и Л.С. Камеровская. Приглядевшись ко мне, они – видимо, слышали где-нибудь мое чтение – обратились ко мне с предложением попробовать свои силы в роли Наташи из горьковского «На дне». В октябре 1925 г. я сыграла свою первую роль – Наташу в «На дне» М. Горького. На премьере были актеры пражской группы МХАТ. Режиссер Шаров⁶² подошел к моему отцу в антракте с просьбой отпустить меня в качестве студийки театра с их труппой на гастроли в Америку. Но мои родители ни за что не расстались бы со мной так рано, и я еще не успела закончить английскую школу в Праге. В том же году артист Дуван-Торцов поставил комедию «Любовь – книга золотая» Ал. Толстого. Камеровская играла княгиню, мне дали роль Саньки⁶³. Тут я должна сделать отступление личного характера: в августе 1929 г. я вышла замуж за хориста Пражского национального оперного театра (Народни Дивадло) Владимира Антоновича Асеева, – из-за этого в газетных заметках помимо моей воли стала появляться моя фамилия Ратгауз с приставкой Асеева⁶⁴. В начале тридцатых

⁶⁰ Ильяшенко Лидия Степановна (КАМЕРОВСКАЯ; ПАНКРАТОВА; 1894–1984); подробнее о ее роли в судьбе ТКР см.: СПРОГЕ 2017.

⁶¹ Зелицкий Владимир Леонардович (?-1956) актер МХТ, основатель русского театра в Нью-Йорке («Театр Зелицкого»). С середины 1920-х гг. был актером «Пражской группы» МХТ.

⁶² Шаров Петр Федорович (1886-1969) актер и режиссер Пражской труппы МХТ.

⁶³ Пьеса А.Н. Толстого постоянно была в репертуаре Т. Ратгауз. В рижский период ее работы в русском Драмтеатре она играла роль княгини Серпуховской (ПЕРОВ 1940). Существует фотоснимок ее и В.В. Клименко из рижской инсценировки (воспроизведен в: СПРОГЕ 1996: 238). О постановках пьесы на русской зарубежной сцене см.: НИКОЛАЕВ 2014.

⁶⁴ В воскресном номере газеты «Сегодня» (1929. 18 авг. № 228. С. 12), ровно через неделю после бракосочетания в пражском храме Св. Николая Т. Ратгауз с певцом В.А. Асеевым, был помещен фотоснимок с подписью под ним: «Литературная свадьба в Праге». [...] На нашем снимке новобрачные у входа в храм.

годов мы с мужем разошлись (а, во второй раз, я вышла замуж в Риге в 1936 г. за артиста Русского Драм. Театра в Риге Василия Васильевича Клименко). И уйдя после войны из театра и Госфилармонии (так уж сложилась жизнь), стала носить фамилию Клименко, и в жизни, и как режиссер самодеятельности и т.д.

Вернусь в Прагу. В начале 1935 г. бывший ректор Московского университета проф. М. Новиков⁶⁵, живший в Праге, обратился ко мне с очень неожиданным для меня предложением из Риги. О наших выступлениях нередко писали в газетах «Сегодня» и «Сегодня вечером» в Риге пражские корреспонденты и кто-то приезжал из Риги в Прагу и видел меня на сцене. Новиков спросил, не заинтересует ли меня приглашение о вступлении в труппу рижского русского Драмтеатра (ему поручили со мной поговорить). До сих пор единственная моя связь с Ригой была та, что старый друг моего отца и однокашник по гимназии и Киевскому университету актер И.Ф. Булатов⁶⁶ присылал мне по моей просьбе советский журнал «Театр» и вообще экземпляры идущих в Риге советских пьес, которые у нас в группе усиленно использовались. Получил приглашение в Ригу также артист Евгений Осипович Норманд. И я вскоре получила приглашение от нового правления рижского русского театра и решила вместе с попутчиком на путешествие в Ригу. До того в 1935 году (тоже в начале года) в Прагу из Парижа приезжал Николай Николаевич Евреинов, по приглашению пражского национального оперного театра⁶⁷. Он ставил оперу Римского-Корсакова «Царь Салтан». Оформлял спектакль тоже приглашенный из Парижа знаменитый художник Ив. Билибин. Я имела удовольствие

Во втором ряду один из шаферов, писатель В.А. Амфитеатров-Кадашев (1), посаженный отец Вас. Ив. Немирович-Данченко (2) и отец новобрачной поэт Д.М. Ратгауз (3).

⁶⁵ Новиков Михаил Михайлович (1876–1965), профессор и ректор (1918–1920) Московского университета. В 1922 г. выслан из Советской России, жил в Берлине, в Праге, в Братиславе, в Мюнхене, в Регенсбурге. С 1949 г. – в США.

⁶⁶ Булатов Иван Федорович (1869–1947), актер рижского Театра русской драмы.

⁶⁷ Заметные события русской культурной жизни в довоенной Праге зафиксированы в: БЕЛОШЕВСКАЯ 1999; БЕЛОШЕВСКАЯ 2000–2001.

познакомиться с ними и особенно знакомство с Ник. Ник. Евреиновым (с которым я в течении нескольких недель часто общалась) меня духовно очень обогатило. Он также выступал в Праге с интереснейшими докладами об актерском мастерстве⁶⁸.

К началу сезона я выехала в Ригу. Дебютировала в спектакле «Платон Кречет» Корнейчука в роли Лиды, архитектора, второе мое выступление в Риге было в пьесе (кажется, переделке по Цвейгу) «Мария Антуанетта» в заглавной роли (имеются вырезки из газет, рецензии)⁶⁹.

Время шло. У меня все больше росло стремление к СССР, начавшееся уже давно, особенно под влиянием советской литературы и театра. (В Праге гастролировал Таиров⁷⁰ со своей труппой, не говоря уже о более ранних гастроях МХАТ'а). Я стала мечтать о возвращении на Родину (как и некоторые мои друзья и коллеги). Видимо, я как-то сумела повлиять на моего устарелого [так!] отца, и он не противился моему – пока еще теоретическому желанию возвратиться и даже поддерживал его. А когда в 1936 г., уже будучи артисткой Рижского Русского Драмтеатра я в Риге, вместе с мужем В.В. Клименко (артистом того же театра) подала заявление с просьбой о возвращении в СССР, отец во время нашего с мужем посещения Праги в том же 1936 г. дал нам письма своим старым знакомым в Москву с просьбой оказать нам содействие в трудоустройстве. Такое письмо отца к О.Л. Книппер-Чеховой (оригинал) находится в Отделе

⁶⁸ В Праге 21 июня 1935 г. в Союзе русских писателей и журналистов состоялась его лекция «Тайные пружины искусства». В альбоме автографов есть его запись: «Меньше всего я хотел бы, чтобы меня считали *серьезным человеком*, потому что перед серьезными людьми снимают “маски” или надевают только печальные, женщины не кривляются, дети играют без удовольствия, военные реже звякают шпорами и не желают рассказывать анекдотов. К тому же дураки всегда серьезны. [подпись] Прага, июнь 1935 г.» (частный архив).

⁶⁹ См.: КЛОПОТОВСКИЙ 1936.

⁷⁰ Таиров Александр Яковлевич (2885-1950) известный актер и режиссер Камерного театра. О его гастроях в 1930 г. оставила воспоминания актриса Алиса Коонен «Страницы жизни». О бурной встрече Таирова и актеров его театра в Праге есть множество воспоминаний о радушной встрече; почти во всех мемуарах сквозит сожаление о кратких гастролях: в Праге было только шесть спектаклей.

редких рукописей и книг Латв[ийской] Гос[ударственной] Библиотеки им. В[илиса] Лациса в Риге⁷¹. Там находится большая часть архива моего отца. (У меня в данную минуту имеется оригинал письма к Р.М. Глиэру⁷², но, вероятно, его у меня возьмет Московский архив науч[ной] Библ[иотеки] ВТО.) Увы, как я уже писала, в разрешении на возвращение в СССР нам было отказано.

Живя в Риге, я написала несколько пустяковых рассказов, печатавшихся в газ[ете] «Сегодня». То тут, то там за рубежом и в Риге продолжали изредка печататься мои стихи⁷³. [...]

Литература

АБЫЗОВ 1991 – *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг. Биобиблиографический справочник. Stanford, 1991. Часть III: М–Ри.

⁷¹ Т. Ратгауз сохранила одну из версий этого письма: «Глубокоуважаемая Ольга Леонардовна! Не уверен – помните ли Вы меня ещё. Тем не менее я позволяю себе беспокоить Вас с очень большой просьбой: дочь моя Татьяна и муж ее Василий Клименко молодые актеры, стремящиеся работать и совершенствоваться на советской сцене под руководством наших крупных режиссеров. Не стану писать об их данных, в которых Вы сами легко убедитесь. Они молоды, жаждут работать, но не имеют никаких знакомств в Москве, поэтому я позволяю себе от всего сердца просить Вас взять на себя заботу об их покровительстве, за что заранее глубоко Вас благодарю. Ваше слово имеет бесконечно большое значение, если бы не тяжкая моя болезнь, приковавшая меня к постели (паралич!) я и сам бы стремился в С.С.С.Р. [так!]. Теперь же мне остается издали следить за расцветом нашей родины и надеяться, что дети мои при Вашем благосклонном содействии там сумеют устроиться в театре и служить любимому делу. Очень прошу Вас, Ольга Леонардовна, простить меня и убежден, что просьба больного, старого, давно умолкшего поэта (дочь которого Вы знали ещё маленькой девочкой) найдет в Вас отклик. Заранее Вам благодарный и преданный Даниил Максимович Ратгауз. 22 января 1937 г., г. Прага». Сверху на листе рукой Татьяны Ратгауз: «Собственноручное письмо написано за 4 месяца до смерти Д.М. Ратгауза» (частный архив).

⁷² Рейнгольд Морицевич Глиэр (1874–1956), композитор, дирижер, автор музыки к стихам Д.М. Ратгауза.

⁷³ Перечень опубликованных стихов см.: АБЫЗОВ 1991: 415–416. О прозе см.: СПРОГЕ 2001; СПРОГЕ 2019.

- АМФИТЕАТРОВ-КАДАШЕВ 1996 – *Амфитеатров-Кадашев В.А.* Страницы из дневника / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1996. Т. 20. С. 435–635.
- БАРСОВА 1997 – *Барсова Л.Г.* Иван Иванович Лапшин: жизнь и труды // Звезда. 1997. № 10. С. 183–197.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 1999 – Хроника литературной жизни Русского Зарубежья: Чехословакия (1919–1939) / Сост.: Л. Белошевская, Д. Гашкова, Т. Любимова, Е. Лукина (Чехия) // Российский литературоведческий журнал. М., 1999. № 12. С. 216–285.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 2000–2001 – Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике / Под общей ред. Л. Белошевской. Прага, 2000. Т. 1. 1919–1929; Прага, 2001. Т. 2. 1930–1939.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 2006 – «Скит» Прага 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; Сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М.: Русский путь, 2006.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 2011 – *Vzpomínky. Deníky. Vyprávění. Ruská emigrace v Československu* / Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской; коллектив авторов. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2011.
- БУЛГАКОВ 1993 – Словарь русских зарубежных писателей / Сост. В. Булгаков, ред. Г. Ванечкова. New York. Norman Ross, 1993.
- КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1987 – *Клименко-Ратгауз Т.Д.* Вся моя жизнь / Вступ. Л. Черевичника. Рига: Лиесма, 1987.
- КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1996 – *Клименко-Ратгауз Т.* Сцена и я / Публ. Т. Власовой // Даугава. 1996. № 3. С.84–90.
- КЛОПОТОВСКИЙ 1936 – *Л. [Клопотовский В.В.]* Вечер Татьяны и Василия Клименко // Сегодня вечером. 1936. 19 дек. № 292. С. 6.
- КРЕЙД 1999 – Словарь поэтов Русского Зарубежья / Ред. В. Крейд. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
- ЛОССКИЙ 1994 – *Лосский Б.* В русской Праге (1922–1927) // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 16. М.; СПб., 1994. С. 7–79.

- МАЛЕВИЧ 2005 – Поэты пражского «Скита»: стихотворные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. О.М. Малевича. СПб.: Росток, 2005.
- МОРКОВИН 1993 – «Воспоминания» Вадима Морковина / Публ. Д.В. Базановой // Русская литература. 1993. № 1. С. 190–239.
- НИКОЛАЕВ 2014 – *Николаев Д.Д.* Пьеса А.Н. Толстого «Любовь – книга золотая» и русское зарубежье 1920-х гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 69–80.
- ПЕРОВ 1940 – *Перов А.* Листки из блокнота. О бенефисном спектакле Ратгауз и Клименко // Для Вас. 1940. № 11. С. 21.
- СПРОГЕ 1996 – *Спроге Л.* Беллетристика Т.Д. Клименко-Ратгауз на страницах газеты «Сегодня» // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллин: Авенариус, [1996]. С. 237–251.
- СПРОГЕ 1997 – *Спроге Л.* «Под чужим небом»: о неизданных мемуарах Д.М. Ратгауза // Русская литература. 1997. № 2. С. 132–138.
- СПРОГЕ 1998–1999 – *Спроге Л.* Алла Головина – «Письмо наизусть не пропеть...»: хронотоп послания // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 1998–1999. Т. 3–4. С. 69–75.
- СПРОГЕ 2000 – *Спроге Л.* Материалы к юбилею Даниила Максимовича Ратгауза // Русская культура на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. Вып. 1. С. 225–235.
- СПРОГЕ 2001 – *Спроге Л.* Проза Т.Д. Клименко-Ратгауз в русской периодике Латвии 1930-х гг. // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. М.: Российский институт по культурологии, 2001. С. 184–189.
- СПРОГЕ 2017 – *Спроге Л.* Андрей Белый в письме «Незнакомки» (1979): к особенностям «женского» эпистолярия // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; Москва, 2017. С. 267–278.
- СПРОГЕ 2018 – *Спроге Л.* «Прозрения за грань эпохи блоковской Незнакомки» (Из архива В.А. Амфитеатрова-Кадашева и Т.Д. Клименко-Ратгауз) // Acta Slavica Estonica X. Studia Russica

- Helsingiensiа et Tartuensia XVI. Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX–первой половины XX вв. К 90-летию со дня рождения З.Г. Минц. Tartu, 2018. С.160-173.
- СПРОГЕ 2019 – *Спроге Л.* Флюиды блоковской «Незнакомки» в новелле Т.Д. Клименко-Ратгауз // *Slāvu lasījumi* = Славянские чтения = Slavic Reading Daugavpils XIII, 2019. С. 239–248.
- СПРОГЕ 2020 – *Спроге Л.* «Жизнь – милая, глупая и злая...» (О письме Т.Д. Клименко-Ратгауз к Анне Ахматовой) // Рижский альманах. 2020, № 10/15. С.148-156.
- СПРОГЕ 2021 – *Спроге Л.* «Считаю своим руководителем и благодарна его памяти»: письма Татьяны Клименко-Ратгауз к Альфреду Людвиговичу Бему (1930–1940 гг.) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2021. Neue Folge. Bd. 9. С. 219–241.
- ЧЕХОВ 1986 – *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 13.
- ЭФРОН 1989 – *Эфрон А.* О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М., 1989.
- SPROĢE 2008 – *Sproģe L.* Tatjana Klimenko-Rathausa (1909–1993) aktrise un dzejniece // 100 Latvijas sievietes kultūrā un politikā / Sastādītāja Ausma Cimdiņa. Rīga: Latvijas Universitāte, 2008. Lpp. 236–239.